

с использованием пороха и пушек, не могла не прийти на ум и историкам новейшего времени. Ее, например, отстаивали такие специалисты в истории артиллерии, как немецкий исследователь М. Дильс (*Diels M. Antike Technik. Leipzig: Berlin, 1914*), грек К. Зенгелис (*Zenghelis C. Le feu grégeois et les armes á feu des Byzantins // Byzantion. 1931. Т. 7. Р. 265–286*) и др. И хотя у них есть немало оппонентов (см., например: Κορρες Θ. 'Ο προβληματισμός γυρω από το υγρο πυρ των Βυζαντιών // *BYZANTIAKA. 1983. Φ. 3. Р. 123–134*), нам важно отметить, что

они имели и неизвестного им русского предшественника — А. Н. Оленина.

³⁷ Полностью письмо опубликовано в ст.: *Медведев И. П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона. С. 96–98.

³⁸ Подробно об этом проекте см.: *Файнштейн М. Ш.* Из истории отечественной византистики: Забытый проект Российской Академии // *Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 521–536.*

И. Г. Воробьева

ТРУДЫ СЛАВИСТА Н. А. ПОПОВА ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Во второй половине XIX — начале XX в. в русской исторической науке произошли качественные изменения, отмеченные современной отечественной историографией.¹ Однако, несмотря на продолжающееся активное введение в научный оборот архивных эпистолярных материалов, мемуаров и сочинений русской эмиграции, создание новых теоретических трудов, время глобального синтеза еще не пришло.² Одной из причин, полагаю, стала необоснованная специализация в истории исторической науки. Отдельно заседают русисты, слависты, медиевисты, новисты, византилисты и т. д. Давно не собирались всероссийские конференции по проблемам преподавания историографии в вузах, творческие сообщества внутри страны оказались изолированными. Судя по справочному аппарату, коллеги друг друга читают редко и имеют очень смутное понятие о делах в соседнем цехе. Так, к примеру, в освещении динамики исследовательских процессов в столичных университетах XIX — начала XX в. абсолютно не учитывается тот факт, что русские историки-слависты читали лекции и писали статьи и по славистике, и по русской истории, и по истории Византии.³ Историко-юридическое направление в русской историографии изучается вне трудов историков-славистов.⁴ Государственная школа представлена в новейших исследованиях лишь несколькими известными именами.⁵

Наша задача — выявить роль историков-славистов в развитии историографических знаний, в частности, обратить внимание отечественных ученых на вклад профессора Московского университета Н. А. Попова (1833–1891) в историю русской исторической науки.⁶

Нил Александрович Попов — ученик и коллега С. М. Соловьева. Его исторические исследования следует отнести к государственной школе в русской историографии (по терминологии XIX в. — историко-юридическая), так как он полностью разделял концепцию С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина и развивал ее на материале истории зарубежных славянских народов. Попов изучал историю чехов, поляков, сербов,

боснийцев, болгар в XVIII–XIX вв. Основным объектом анализа для него стала история сербского народа, которой он посвятил несколько книг. Попов — автор монографии «Россия и Сербия. Очерк исторического покровительства с 1806 по 1856 г.», первой в науке на эту тему и не потерявшей до сих пор своего научного звучания.⁷ В истории сербов начала XIX в. ученый увидел борьбу старых, архаичных форм жизни и новых, государственных. Он был убежден, что государство — цель и смысл общественного развития, выразитель всех проявлений народной жизни, «высшее назначение народа и его исторического призвания». История политического возрождения сербов предоставляла возможность проверить концепцию государственников. В своих лекциях по русской истории, которые он читал в Московском университете с 1860 по 1888 г.,⁸ Попов следовал логике изложения и толкования фактического материала, опираясь на «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева, что оценили современники.⁹

Одно из центральных мест в его творчестве занимала история науки. В наследии Попова есть работы по историографии истории зарубежных славян,¹⁰ хотя чаще ученый анализировал труды по отечественной проблематике. Его работы по истории русской исторической мысли и их современное понимание помогают выяснить не только эволюцию всего творчества ученого, но и определить уровень историографических знаний и российской исторической науки второй половины XIX в.

Попов заинтересовался историей исторической науки еще в студенческие годы. Выпускную работу он подготовил по теме, предложенной факультетом для соискания медали, — «История вопроса о русской начальной летописи». Работа заслужила золотую медаль, а ее автор удостоился степени кандидата. Тему предложил, вероятнее всего, С. М. Соловьев, чьим тогдашним научным интересам она напрямую отвечала. В лекциях 1850-х гг. он обращал внимание на особенности русского летописания и знакомил студентов с историей вопроса.¹¹ Сохранился и введен Р. А. Киреевой в научный оборот текст его лекции 1848/49 учебного года «Обзор русской исторической литературы», которую вполне мог слушать и Попов.¹² Возможно, Соловьев стремился отреагировать на требования тогдашней критики, высказывавшей нарекания в его адрес, будто историографические экскурсы в комментариях и приложениях к отдельным томам «Истории России с древнейших времен» носили разрозненный характер.¹³ Можно предположить, что он физически был не в состоянии справиться с обзором множества трудов по русской истории и мог поручить их выполнение студентам. Как известно, I том «Истории России» вышел в 1851 г., а Попов выполнял выпускную работу в 1853–1854 гг.

К сожалению, текст этой работы не сохранился, и мы не можем оценить и проанализировать ее. Но вполне очевидно, что осознание важности глубокого знания трудов предшественников пришло к Попову еще в университетские годы. Так, на «классических беседах», устроенных С. П. Шевыревым, он прочитал реферат «Биография Байера и очерк его ученой деятельности.¹⁴ В ту же пору имя Попова становится известным и читающей публике по ряду критико-библиографических заметок. Первая из них, «Древние и новые греки», была посвящена разбору книги И. Тельфи, вышедшей в 1854 г. в Лейпциге.¹⁵ По окончании университета Попову удалось опубликовать около 20 рецензий и заметок на страницах газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник». Уже в те годы историк высказывал соображения о необходимости специального периодического издания, «посвященного критике научных сочинений», аргументируя это тем, что «ничто так не вредит развитию науки, как оставление без надлежащей

оценки тех трудов, которые двигают ее вперед или, по крайней мере, готовят средства для этого движения, дают источник для ее жизни».¹⁶

Газетные публикации Н. А. Попова нередко были довольно обширными и печатались с продолжением в нескольких номерах. В ряде случаев автор ограничивался библиографической характеристикой издания, приводя краткий пересказ содержания.¹⁷ Иногда он, видимо, не решался высказывать замечания в адрес авторитетных историков. В частности, так было в рецензии на вторую книгу «Ученых записок» II отделения Академии наук, в отзыве на VI том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, на издание «Актов, относящихся до юридического быта древней России» Н. В. Калачова.¹⁸ Ряд его статей имел характер рефератов, где внимание читателей обращалось на наиболее яркие эпизоды из жизни страны. В таком жанре Попов писал о книге Э. Голицына «Русское посольство в Испанию и Францию в 1668 г.», изданной в Париже, о публикации записок путешествия в 1586 г. в Архангельск француза Иоанна Соважа, о книге А. Н. Попова «Русское посольство в Польшу в 1670–1677 гг.», где рассказывалось о миссии Василия Михайловича Тяпкина.¹⁹

Писал Попов и полемические, задиристые работы, как и положено молодому исследователю. Он резко критиковал книги И. Е. Андреевского «О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III Васильевича на престол» и «О договоре Новгорода с немецкими городами в 1270 г.», статью А. Богдановского «Судебные преследования колдунов и ведьм в Германии».²⁰ В обеих критических заметках он обращал внимание на недостаточное знание авторами фактического материала и на их неумение пользоваться сравнительно-историческим методом; обстоятельней он рассуждал об этом, рецензируя вышедший в Казани под редакцией Дм. Мейера «Юридический сборник».²¹

Наиболее серьезной критике Попов подверг книгу С. Горского «Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского», изданную в Казани. Статью объемом почти в 40 страниц он напечатал в только что созданном журнале критики, современной истории и литературы «Атеней».²² Она содержала основные методологические принципы, которые и тогда, и позже исповедовал Попов. Он настаивал на том, что нельзя впадать в «недостойную историка роль уголовного судьи своего героя», и цитировал С. М. Соловьева: «Историк не должен быть адвокатом того или другого исторического лица; его обязанность при описании подобной борьбы состоит в том, чтобы, основываясь на актах несомненных, уяснить смысл борьбы, ее значение в истории народа».

Первые пробы Попова, пытавшегося оценить труды современников, показывают, что начинающий ученый уяснял для себя методы и приемы описания исторического прошлого России. Но при этом его работы носили публичный характер: учась сам, он давал и новую информацию для читателей. Его статьи в периодике — форма живого отклика на свежие историографические факты. «Московские ведомости» и «Русский вестник» имели значительный круг читателей, а критические отклики на вновь вышедшие книги получали особое общественное звучание в России середины XIX столетия. Так произошло и со статьей в «Московских ведомостях», подписанной псевдонимом «Н. Чельшевский», положившей начало активной полемике университетских профессоров со славянофильским журналом «Русская беседа».²³

В 1858–1860 гг. Попов был адъюнктом кафедры русской истории Казанского университета. Там он читал обзор русской историографии, продолжая традиции местных

профессоров кафедры русской истории Н. А. Иванова и С. В. Ешевского.²⁴ Как лектор русской истории Попов размышлял о задачах исторической науки, пытался определить ее методы, выявить основные периоды в становлении русской исторической науки. В Московский университет он вернулся к осени 1860 г., и важно отметить, что его первая лекция, прочитанная 13 октября 1860 г., называлась «По поводу современных вопросов в русской исторической литературе».²⁵ В ней он обращался к студентам: «При нынешнем состоянии науки я считаю вполне дозволительным самостоятельные суждения лишь по ознакомлению Вас с мнениями уже существующими. Лишь под этим условием будет возможен для каждого из нас собственный труд; лишь тогда он делается для нас не только нравственною обязанностью, но и гражданским правом».²⁶ Таким образом, Попов считал, что историографические знания есть фундамент самостоятельного исследования. Мысль не оригинальная, но, как показывают его дальнейшие сочинения, возвышенные слова вступительной лекции оказались не просто риторической фигурой, а научным кредо. Текст лекции важен как один из первых в России историографических опытов, который напрасно не учитывается современными историографами. Для историков русской науки было бы результативным в познавательном отношении сравнение текста лекции Попова со статьей Н. И. Надеждина «Об исторических трудах в России», опубликованной в 1837 г., и лекцией И. Е. Забелина «Размышления о современных задачах русской истории и древностей»,²⁷ прочитанной в 1860 г.

В университетских лекциях Попов подробно и регулярно рассказывал о творчестве русских историков. Его бывшие студенты вспоминали, что профессор «основательно знакомил слушателей с различными отделами русской истории, придерживаясь капитальных исследований и трудов в этой области русской науки. Особенно были интересны и богаты его курсы по историографии».²⁸ В других мемуарах отмечается, что на семинарских занятиях профессор «сопровождал чтение рефератов внимательным и подробным разбором со стороны содержания и отношения к литературе... Эти беседы давали ему возможность входить в библиографические подробности. Нельзя было не удивляться редкому знакомству его с русскою историческою литературой, за которой он тщательно следил, его памяти и умению быстро раскрыть перед слушателями историю разработки отдельных вопросов, определить известное направление в науке».²⁹

Нам удалось прочитать тексты двух литографированных курсов лекций Попова по русской истории, содержащих историографические сюжеты.³⁰ В фонде В. О. Ключевского в НИОР РГБ есть недатированный текст, в котором имеется лекция в двух частях по историографии, записанная на пяти страницах. В курсе, датированном 1882/83 г. и находящемся в фондах фундаментальной библиотеки МГУ, историографический материал изложен в пяти лекциях.

В первых лекциях профессор употреблял словосочетание «русская историческая литература», позднее чаще встречается термин «историография». Его программа курса лекций 1886 г. по истории южных славян имела раздел «Историография», здесь этот термин употреблялся для обозначения обзора источников и литературы.

В исследованиях Попова по русской историографии главный сюжет связан с творчеством В. Н. Татищева. Книга о русском историке XVIII в. Василии Никитиче Татищеве по своей значимости и собранному автором материалу занимает особое место в историографических исследованиях Попова, к тому же это было первое монографическое исследование о жизни и творчестве Татищева, положившее «начало научному

татищеведению».³¹ Все последующие биографы великого историка, полемизируя или соглашаясь с Поповым, обойтись без нее не смогли.

Анализируя книгу «Татищев и его время» и опираясь на историографические знания Попова, оговоримся, что автор ни разу не назвал свою работу историографической, а разбору собственно литературных и научных сочинений Татищева посвятил лишь одну из восьми глав книги. Таким образом, возникает вопрос: правомерно ли считать книгу Попова историографическим исследованием?

Обратим внимание на полное название книги — «Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия». Судя по названию, Попов исследовал историю России XVIII в., и прочтение книги свидетельствует о жесткой увязке биографии Татищева с биографией государства. Попов рассуждал так: эпоха преобразований Петра Великого требовала просвещенных людей, но их было еще мало, поэтому таким, как Татищев, пришлось одновременно заниматься многими делами: политикой, наукой, культурой. Признав за энциклопедистом Татищевым право называться «первым русским историком», Попов решил выяснить условия становления его именно как ученого-историка. В предисловии он писал: «Теперь, когда после государственной истории России обращено внимание в нашей ученой литературе на историю общественной и народной жизни, я считаю далеко не лишним изучение биографическое... И государство, и общество, и сам народ представляется тогда лишь средою, в которой развивалось, жило и действовало лицо».³² Попытка оценить особенности эпохи, в которую трудился герой исследования, не есть изобретение Попова. Прочитанный пассаж близок абзацу, которым начинал в 1856 г. статью «Писатели русской истории XVIII века» С. М. Соловьев: «Чтобы понять характер деятельности Татищева, нужно обратиться к характеру той знаменитой эпохи, к которой принадлежал он, — эпохи преобразования».³³

Но и С. М. Соловьев не был в этом оригинален. В европейской исторической науке первой половины XIX в. наблюдался значительный интерес к выдающимся личностям прошлого. В середине 1850-х гг. шумный успех в России имела книга английского историка Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории», русский перевод которой в 1856 г. опубликовал «Современник». Как утверждает Н. И. Цимбаев, Соловьев, знакомый с этой книгой, решительно отвергал взгляды Карлейля и настаивал на существовании связи «великого человека» с его временем и народом.³⁴ Эту же идею в своих лекциях, которые слушал Попов, отстаивал и Т. Н. Грановский. Вслед за ними В. И. Герье, коллега Попова по университету, в «Очерке развития исторической науки» подчеркивал, «что всякое историческое сочинение должно рассматривать в связи с тою средою, из которой оно вышло, объяснять причины, вызвавшие его, указывать потребности, которым оно удовлетворяло, и то хорошее или дурное влияние, которое оно имело со своей стороны».³⁵ Такая методическая установка отражала общие тенденции развития русской историографии середины XIX в., что видно и по многим сходствам в названиях книг: Н. Г. Чернышевский «Лессинг, его время, жизнь и деятельность» (СПб., 1857); В. С. Иконников «Максим Грек и его время» (Киев, 1865); В. И. Герье «Лейбниц и его век» (М., 1868). Название оказалось удачным, им воспользовался даже А. Ф. Лосев, написав книгу «Владимир Соловьев и его время».

В сочинении Попова великим человеком, чье время следовало изучать, оказался историк В. Н. Татищев. Описывая особенности эпохи, в которой жил, действовал и

творил русский энциклопедист, Попов пытался обнаружить факты и события, побудившие Татищева обратиться к осмыслению истории России. В изложении Попова становление Татищева-историка выглядит так. Усилиями Петра I в Россию стали поступать новые книги, а с ними и новые знания. Любознательность таких людей, как Татищев, могла быть удовлетворена за счет обширных библиотек, возникших именно в это время. Татищев тоже имел библиотеку, но она сгорела. Попов попытался восстановить ее состав и круг чтения историка, опираясь на цитированные Татищевым сочинения. Другим путем приобретения Татищевым исторических знаний могли стать его многочисленные путешествия, считал Попов, подробно описывая их. Кроме того, он обратил внимание на разыскания Татищева в архивах, а также на «метод устного опроса», как бы сейчас сказали. Попову удалось, идя по вехам жизни историка, составить подробный перечень мест, где самоучка Татищев получил новые знания, каких не мог дать ни один университет Европы.

Внимательно изучив доступные ему в то время труды первого историка новой России, Попов впервые составил их полный список с указанием местонахождения рукописей. Кроме того, он перечислил те сочинения историка, которые еще не были обнаружены в архивах, но сведения о которых имелись. Тем самым Попов поставил задачу их поиска перед собой и другими исследователями. «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» В. Н. Татищева он разыскал сам. Лишь спустя век, в советское время, были сделаны новые находки и издано полное собрание сочинений Татищева. Таким образом, Попов накапливал историографические источники для изучения творчества Татищева.

Этим, однако, не ограничивалось исследование Попова. Текст главы VII посвящен чисто историографической проблематике. Достаточно назвать план этой главы: «Ученое направление русской литературы при Петре и после него. Страсть Татищева к книгам. Его любознательность. Географические занятия в России во времена Татищева. Собственные географические труды Татищева. Исторические занятия Татищева. Рукописи исторических сочинений его. Вопрос об источниках „Истории России” Татищева. Вопрос об Иоакимовской летописи. Некоторые из сомнительных мест в его истории. Критические приемы Татищева. Богословские, политические и исторические мнения его. Антропологические и этнографические сведения. Юридические труды Татищева. Примечания к Русской правде и Судебнику. Сочинения Татищева о ревизии, о беглых, об обязанностях управления. Что не дошло до нас из сочинений Татищева? Где он кончил свою историю? Писал ли он мемуары? Разговор о пользе наук Татищева».

Мы видим, что Попов проделал скрупулезное источниковедческое исследование «Истории» В. Н. Татищева. Его методика схожа с суждениями С. М. Соловьева, который писал: «Заслуга Татищева состоит в том, что он первый начал дело так, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями... указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований».³⁶

Вслед за Соловьевым Попов привел расширенную аргументацию, настаивая на добросовестности Татищева-историка, которая в те годы ставилась под сомнение некоторыми учеными.³⁷ Самое большое недоверие вызывала Иоакимовская летопись. Работая над диссертацией, Попов писал из Казани в Петербург академику А. А. Кунику: «Я думаю: судьба будет благословенна и даст Вам возможность открыть в Архиве

Академии наук следы знаменитой Иоакимовской летописи, этого камня преткновения для всех занимающихся историей Татищева». Его влекла тайна Иоакимовской летописи, о которой он впервые написал еще в 1856 г. в рецензии на работу П. А. Лавровского, высказав убеждение в добросовестности Татищева и надежду на обнаружение текста летописи, датируя ее XI в.³⁸ Как вспоминали ученики Попова, у профессора имелась особая папка с надписью «Бизюков монастырь и Иоакимовская летопись», куда собирався новый материал, часть которого после смерти историка была опубликована.³⁹

Однако и для современных исследователей этот источник остается загадкой: летопись сегодня рассматривается только как историко-культурный факт.⁴⁰ Наблюдения же Попова над приемами исторической критики и мировоззрением В. Н. Татищева выглядят довольно поверхностными, возможно, потому, что важный философский трактат Татищева «Разговор о науках», а также его духовное завещание в то время ему не были известны. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что магистерская диссертация Попова была первой по проблемам истории исторической науки. Автора более всего занимал вопрос, как В. Н. Татищев стал историком русского государства.

Отметим, что Н. А. Попов, как впоследствии и его младший коллега по университету В. О. Ключевский (в то время студент 1-го курса), искали в истории науки ответы на многие тревожившие их вопросы. Но разница в том, что Ключевский обратился к историографии, уже будучи известным историком, а Попов с нее начал. Работа над книгой «Татищев и его время» позволила Попову избежать излишних колебаний и сомнений, придала оптимизм его разысканиям. Он открыл для себя жанр научной биографии ученого-историка. Впоследствии Попов создал биографические очерки о Н. И. Надеждине, О. М. Бодянском, М. П. Погодине, о зарубежных славистах Ф. Палацком, Ф. Ригере, Й. Юнгмане, написал книгу о венгерском историке Ласло Салаи. Однако это не означало, что он отказался от собственно историографической проблематики, которая в 1870-е гг. все чаще становилась предметом науки. Н. А. Попов внимательно следил за изысканиями коллег-историков, что видно из переписки с известным историком отечественной науки К. Н. Бестужевым-Рюминым, а также по постоянным деловым контактам с В. О. Ключевским, читавшим курс русской историографии в Московском университете. В направлении совершенствования историографических методов работала и научная мысль Попова. В архивохранилищах и у частных лиц он продолжал выяснять факты биографии В. Н. Татищева.⁴¹

В результате многолетних упорных разысканий ему удалось, как упоминалось, найти и опубликовать в 1887 г. рукопись философского труда Татищева «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ».⁴² Многие факты обнаружались при общении с правнуком историка Алексеем Никитичем Татищевым, владевшим имением на родине Попова, под г. Бежецком (Тверская губерния), и с помощью Д. А. Корсакова, жена которого находилась в родстве с Татищевыми. О постоянных поисках татищевских материалов свидетельствует переписка Попова с академиками А. А. Куником и А. Ф. Бычковым.

Итогом исследования творчества Татищева стал доклад, прочитанный Поповым 19 апреля 1886 г. на торжественном заседании Академии наук, посвященном 200-летию со дня рождения В. Н. Татищева. Еще в 1883 г. через директора Тверского музея А. К. Жизневского к нему обратился А. Н. Татищев с предложением издать собрание сочинений своего знаменитого прадеда. Он писал: «Вполне понимаю, что никто лучше Вас не знаком с этим делом и никому оно не может быть поручено с большею надеждою на

успех, как Вам».⁴³ Попов энергично откликнулся на предложение и приступил к обследованию Московского архива Министерства иностранных дел на предмет обнаружения бумаг Татищева.⁴⁴ О результатах поиска он сообщал А. Н. Татищеву и директору Публичной библиотеки в Петербурге А. Ф. Бычкову, с помощью которого удалось получить несколько важных копий с рукописей, хранящихся в библиотеке.⁴⁵ Попов к тому времени был уже избран членом-корреспондентом Академии наук и получил после смерти Н. В. Калачова должность управляющего Московским архивом Министерства юстиции.

О подготовке речи на юбилейном заседании повествует обстоятельная и обширная переписка Попова с секретарем Академии наук К. С. Веселовским. В марте 1886 г. Попов писал из Москвы: «Речь моя продвигается вперед, но боюсь, что мне не уложиться в надлежащие рамки — уж больно обилен, а главное, разнообразен материал! Татищев был энциклопедистом в практической жизни, как многие из учеников Петра Великого. С деятельностью такого человека не сладишь в отрезке, который не может продолжаться более 1.5 часа. Я всячески опущу биографические подробности и остановлюсь на ученом и писателе, но ведь нельзя совсем оставить и другие стороны жизни».⁴⁶ Веселовский в свою очередь давал Попову «ясные указания относительно личных исследований над Татищевым». Однако тот очень переживал за свое выступление: «Чем больше сижу над Татищевым, тем более убеждаюсь, что именно в Архиве и Библиотеке самой Академии еще много не выписанных материалов для его биографии, не говоря уже о государственном архиве и некоторых других питерских».⁴⁷

Поразительно: магистерская диссертация писалась с меньшим напряжением, чем речь в 60 страниц. Спустя 25 лет Попов чувствовал гораздо большую научную ответственность. Стиль, логика, система доказательств, языковые обороты в речи были иными, чем в книге. Она лишена юбилейного пафоса, громких фраз, пышных выражений, полностью выдержана в академическом стиле. Что касается новых историографических суждений, то они довольно существенны.

Приступая к анализу исторических трудов Татищева, в юбилейной речи Попов сделал краткий, но очень точный обзор уровня исторических знаний в России к началу XVIII в. В частности, он показал беспомощность аббата Ивана Крушала, историографа при дворе Петра, в осознании русской истории. Попов обратил внимание слушателей на трудности в занятиях историей, которые чинились со стороны Синода, полагавшего, что от исторических известий может «произойти соблазн в народе».⁴⁸ На этом фоне усилия самоучки Татищева выглядели гигантскими, а результаты его научного поиска поразительными. Не желая вскользь, поверхностно оценивать «Историю» Татищева, Попов остановился на замечаниях историка «по части археологии», чтобы выяснить «пути и приемы, с помощью коих он расширял свои сведения».

Обратился он и к изучению Татищевым истории русского права, подчеркнув, что и здесь тот не имел предшественников. Центральное место в речи уделялось выяснению мировоззрения Татищева, сюжету, который в книге был описан поверхностно. Попов обстоятельно разъяснил обширные философские познания Татищева, назвав его последователем Декарта и Томазия, а в политических убеждениях — сторонником Пуфендорфа, Гуго Гроция, Христиана Вольфа.

Выяснив источники знания Татищевым новых правовых и политических учений, получивших признание в Европе, Попов видел в них не базу для компиляций и бездумного заимствования, а средство передать на русском языке философские понятия и определения.

Работа над «Разговором двух приятелей» позволила Попову пересмотреть свое прежнее суждение, что «философские учения Татищева не могли быть ни самостоятельны, ни глубоки». На это следует обратить внимание, потому что в отечественной литературе было высказано обвинение в адрес Попова (как, впрочем, и Бестужева-Рюмина, и Пекарского), основанное только на изучении его книги и не учитывавшее эволюцию взглядов русских историков.⁴⁹

Исследуя сочинения Попова о Татищеве, можно заметить отсутствие в них оценочных моментов типа «ошибся», «неправильно понял», «недооценил». Профессор Попов не ставил оценок и не подвергал суду труды предшественников. Он писал: «Уголовная точка зрения неприложима к истории. Понимать и в то же время обвинять гораздо нелепее, чем не понимать и казнить».⁵⁰ Попов задумался о принципах построения научной биографии и сформулировал их так: «Если для историка главной задачей должно быть объяснение государственного развития России, то для биографа столь же важно указать на характер того влияния, которое оказывало это развитие на действовавшие лица».⁵¹ Итак, биография ученого, политика или деятеля культуры рассматривается только в контексте времени. Попов сформулировал еще один принцип, положенный в основу его биографических очерков. Ему оказалась близка позиция Т. Н. Грановского: «Тот не историк, кто не способен перенести в прошедшее живого чувства любви к ближнему».

Попов испытывал глубокое уважение к тем, о ком писал, и искреннее восхищение ими. Это обстоятельство особенно заметно по его отношению к Татищеву, в чьем творчестве и деятельности Попов почувствовал духовное родство, увидел те направления мысли русского историка, каких не было у профессоров Московского университета даже в начале XIX в. Одно из них, как мне кажется, — осознание Татищевым необходимости синтеза исторических и географических знаний. Казалось бы, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский тоже заботились о выяснении географического фактора в истории России, но для них огромные пространства Русской равнины остались лишь фоном для происходящих исторических событий. Татищев предполагал иное, что и подметил Попов. Он писал, что Татищев не только досконально знал все географические карты и «Российский атлас», изданный Академией наук, но и сам составил подробную программу по описательной географии и этнографии, содержащую 198 вопросов.

В юбилейной речи Попов назвал 21-ю главу «Предъизвещения к Истории» Татищева «Причины разности знаний народных» «одной из лучших в научном отношении». Татищев, по мнению биографа, «при объяснении вопроса о происхождении народных названий сразу стал на верную почву — на сравнение этих названий при помощи корней, принадлежащих различным языкам народным».⁵² Он заметил, что именно Татищев впервые рекомендовал привести в порядок все местные архивы и описать их «для получения сведений о древних и новых названиях земель и урочищ и о времени перехода их под русское владычество». Позднее Попов развивал эту мысль Татищева в ряде своих статей.⁵³

В тексте речи с одинаковой тщательностью анализировались и исторические, и географические труды Татищева и подчеркивалось, что «географический обзор Татищев считал полезным пособием при обработке русской истории». С такой позицией Попов был полностью согласен и настойчиво объяснял ее студентам в своих лекционных курсах по русской истории и коллегам на заседаниях факультетского совета. Современная историческая наука немыслима без анализа фактов, добытых географами, но для русской науки середины XIX в. это было новостью. В Московском университете велись

споры, к какому факультету отнести кафедру географии, и многие сомневались, нужна ли она на историко-филологическом отделении. Попов как декан факультета в этом не сомневался. Упорная борьба декана за включение в программу обучения географических знаний по достоинству была оценена Д. Н. Анучиным — учеником Попова, а затем его коллегой по университету, величайшим русским географом и этнографом.⁵⁴

К разряду работ по историографии следует отнести статьи Попова по истории научных обществ в России. Впервые к этому сюжету историк обратился, находясь еще в Казани.⁵⁵ В 1884 г. он опубликовал исторический очерк о деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР), в члены которого был избран 27 октября 1875 г.

Благодаря архивным разысканиям Попова открылись новые факты в истории Общества. Так, вопреки точке зрения О. М. Бодянского, было доказано, что первым председателем ОИДР был ректор университета профессор Х. А. Чеботарев, а не Н. Е. Черепанов. Именно на Чеботареве лежала обязанность по изданию русских летописей, но за шесть лет работы он напечатал только 80 страниц. Попов показал, что коллективное участие членов общества в предпринятом издании скоро сделалось фиктивным, заседаний не бывало иногда по целому году. Общество не выполнило возложенные на него задачи, в 1810 г. оно было официально закрыто. Закулисную историю этих событий и представил Попов. Он опубликовал также несколько документов, показывающих нелюбимую роль в ней своих земляков, и тут же получил из Твери от директора музея А. К. Жизневского письмо: «Приношу Вам мою сердечную благодарность... за большое удовольствие, доставленное мне чтением этой крайне занимательной и художественно написанной книги. Жаль только, что наши тверичи, П. И. Голенищев-Кутузов и О. А. Поздеев, представлены в крайне непривлекательном виде».⁵⁶ Причины закрытия ОИДР в 1810 г. очень занимали Попова, потому что деятельность Общества в 1870-е гг. была слабой, и оно могло прекратить свое существование.⁵⁷ Попов, анализируя прежние ошибки, искал выход из кризиса и видел его, в частности, в принятии нового устава. Известно, что он входил в состав комиссии по пересмотру устаревшего устава.⁵⁸ Таким образом, занятия историей науки представляли для профессора и практическую значимость.

Научная ценность труда Попова состояла в публикации вновь найденных в столице архивных материалов по истории Общества первых лет его существования, ведь в Москве все документы сгорели при пожаре 1812 г.⁵⁹ История ОИДР в изложении Попова интересна и как очерк состояния образования в России в начале правления Александра I. В планах ученого значилось и написание истории Общества после 1812 г.⁶⁰ Но работа над историей ОИДР оказалась незавершенной, судьба текстов неизвестна, в фонде профессора их нет.

Занимался Попов и историей родного Московского университета. Имея возможность читать документы в университетском архиве, он в отличие от других профессоров ею воспользовался. Попов написал более 10 работ, имевших документальную основу и представлявших собой аннотированные публикации текстов источников. Значительный материал был собран в архиве к биографии Н. И. Надеждина.⁶¹

Термин «историография» использовался Поповым и как синоним исторической литературы, и как знание источников и пособий по проблеме, что соответствовало уровню развития науки того времени. В. С. Иконников, автор «Опыта русской историографии», писал: «Критическое изучение источников и литературы в их постоянном развитии

составляет предмет историографии». Но Попов раздвигал рамки предмета истории исторической науки, изучая историю научных обществ, учреждений, периодических изданий, как российских, так и зарубежных.

Разработка и чтение университетских курсов по отечественной истории, включающих историографические разделы, позволяли Н. А. Попову постоянно быть в курсе широких проблем исторического знания, использовать лучший отечественный историографический опыт в раскрытии сложных вопросов зарубежного славяноведения. Монография о В. Н. Татищеве, став первым в России опытом исследования по истории исторической науки, одновременно положила начало освоению Поповым непростого жанра научной биографии, давшему впоследствии результаты, получившие признание. Значительным вкладом Попова в развитие истории науки следует считать выявление и накопление историографических источников и их публикацию. Не менее существенна в теоретическом отношении и отработка им на отечественных материалах методики историографического исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вандалковская М. Г.* О традициях дореволюционной науки // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки.* М., 1996. С. 96–109.

² См.: *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

³ *Шаханов А. Н.* Русская историческая наука второй половины XIX—начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

⁴ *Иллерицкая Н. В.* Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998.

⁵ См., например: *Китаев В. А.* Государственная школа в русской историографии: Время переоценки? // *Вопросы истории.* 1995. № 3; *Шаханов А. Н.* Русская историческая наука...

⁶ О научной биографии Н. А. Попова см.: *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX—начале XX века. М., 1997; *Воробьева И. Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

⁷ См.: *Слиејнчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Београд, 1991; *Поповић Н. Б.* Србија и Царска Русија. Београд, 1994.

⁸ Подробно см.: *Воробьева И. Г.* Н. А. Попов как профессор и организатор науки // *Российские университеты в XVIII—XX веках.* Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 115–134.

⁹ *Сторожев В. Н.* Памяти отца наместника Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревского. М., 1893. С. 375.

¹⁰ См. подробно: *Воробьева И. Г.* История российского славяноведения в трудах Н. А. Попова // *Вопросы истории славян.* Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 134–155.

¹¹ *Колесник И. И.* Конспект лекций С. М. Соловьева по русской историографии // *Археологический ежегодник за 1988 год.* М., 1989. С. 201–209.

¹² *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 100–104.

¹³ *Цамутали А. Н.* Я родился историком: С. М. Соловьев // *Историки России. XVIII — начало XX века.* М., 1996. С. 226–227.

¹⁴ *Шимко И., Голомбиевский А.* Памяти Нила Александровича Попова. М., 1892. С. 7.

¹⁵ *Московские ведомости.* 1854. № 39, 46, 54.

¹⁶ Там же. 1855. № 23.

¹⁷ Там же. 1856. № 119, 137.

¹⁸ *Современная летопись.* 1856. № 8, 12; *Московские ведомости.* 1857. № 70, 73, 75.

¹⁹ *Московские ведомости.* 1856. № 38, 39; 1855. № 47, 60, 62, 147.

²⁰ Там же. 1855. № 39, 40; 1857. № 147.

²¹ Там же. 1857. № 24.

²² Атеней. 1858. № 46. С. 131–168.

²³ *Чельшевский Н.* Литературные заметки: «Русская беседа». 1856. 3 кн. // Московские ведомости. 1856. № 153. 22 дек. Эта статья была написана В. Коршем вместе с Любимовым и Поповым в декабре 1856 г. Ее подписали: «Н. Чельшевский», «вследствии того, что Нил Попов жил тогда в номерах Чельшева, на Театральной площади», — сообщил Б. Н. Чичерин (см.: Русское общество 40–50-х гг. XIX в.: Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 181).

²⁴ *Корсаков Д. А.* Рец. на кн.: Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884 // Исторический вестник. 1885. № 3. С. 685–707.

²⁵ Текст лекции был опубликован в «Московских ведомостях», подробнее см.: *Воробьева И. Г.* Постановка профессором Н. А. Поповым курса истории славян в Московском университете // Вопросы истории славян. Воронеж, 1998. Вып. 13. С. 7–76.

²⁶ Московские ведомости. 1860. № 225.

²⁷ См.: *Забелин И. Е.* Современные взгляды и направления в русской истории // История и историки. М., 1995. С. 41–442.

²⁸ *Кулаковский П. А.* Три утраты русской науки в прошлом 1891 году. Н. А. Попов // Варшавский дневник. 1892. № 24–26.

²⁹ *Шимко И., Голомбиевский А.* Памяти Нила Александровича Попова. С. 44.

³⁰ К сожалению, остался непрочтенным текст лекций Н. А. Попова, находящийся в фонде П. Н. Милюкова, на который указал мне П. А. Трибунский.

³¹ *Каменский А. Б., Шохин Л. И.* Об участии Н. А. Попова в подготовке издания сочинений В. Н. Татищева // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 185. Приоритет Попова в изучении рукописей «Истории Российской» Татищева признавал С. Н. Валк. См.: *Татищев В. Н.* Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 56–57.

³² *Попов Н. А.* Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 1.

³³ *Соловьев С. М.* Писатели русской истории // Архив историко-юридических сведений о России. М., 1855. Кн. 2. С. 199.

³⁴ См.: *Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 392.

³⁵ *Герье В. И.* Очерк развития исторической науки. М., 1865. С. 6.

³⁶ *Соловьев С. М.* Писатели русской истории. С. 217.

³⁷ Сегодня вековой спор о субъективной «добросовестности» историка Татищева, видимо, уже завершен, историки заняты текстологическим анализом его сочинений, что обнаруживает академическое издание сочинений русского историка.

³⁸ См.: Русский вестник. 1856. Т. 1. С. 94–98.

³⁹ См.: ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 3–5.

⁴⁰ *Вышегородцев В. И.* Иоакимовская летопись как историко-культурное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. Работы Н. А. Попова оказались неизвестны автору диссертации.

⁴¹ В этом отношении интересна переписка Попова с его учеником, в дальнейшем профессором русской истории в Казани Д. А. Корсаковым. См.: НИОР РГБ. Ф. 239. П. 11. Д. 5.

⁴² *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. С предисловием и указателями Нила Попова // ЧОИДР. 1887. Кн. 1. С. 1–171. Современный историк, изучая историю публикации «Разговора» Татищева, сожалел, что «столь богатый идеями памятник остался недоступным большинству мыслителей 18 века» (См.: *Кузьмин А.* Татищев. М., 1981. С. 210). Хотя Попову остались неизвестными некоторые списки, его издание высоко оценивается отечественными историками (См.: *Татищев В. Н.* Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 13).

⁴³ НИОР РГБ. Ф. 239. П. 19. Д. 37. Л. 1.

⁴⁴ Подготовительные материалы объемом в 700 листов, собранные Н. А. Поповым, ныне хранятся в РГАДА, в фонде «Канцелярия МАМЮ». Сохранился и черновик юбилейной речи Н. А. Попова.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1139.

⁴⁶ Там же. Ф. 124. Д. 3451. Л. 18.

⁴⁷ Там же. Л. 19 об.

⁴⁸ *Попов Н. А.* Ученые и литературные труды В. Н. Татищева: Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорской Академии наук 19 апреля 1886 года. СПб., 1886. Отд. оттиск из Журнала Мин-ва нар. просвещения. (Далее — ЖМНП). 1886. Июнь. С. 37.

⁴⁹ *Переверзевцев С. В.* Мирозрение В. Н. Татищева в оценке советских историков // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988. С. 63.

⁵⁰ Атеней. 1858. № 46. С. 149.

⁵¹ Там же. С. 165.

⁵² *Попов Н. А.* Ученые и литературные труды В. Н. Татищева. С. 40.

⁵³ См. подробнее: *Воробьева И. Г.* Некоторые источники обоснования идеи славянского единства в русской историографии // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 70–77.

⁵⁴ См.: НИОР РГБ. Ф. 239. П. 4. Д. 19. Л. 15.

⁵⁵ *Попов Н. А.* Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 год // Русский вестник. 1859. Т. 17. С. 52–98.

⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 239. П. 9. Д. 1. Л. 9.

⁵⁷ См.: *Воробьева И. Г.* К предисловию первого издания тверской рукописи Юрия Крижанича // Переписка славистов как исторический источник. Тверь, 1995. С. 83–94.

⁵⁸ В письме к В. О. Ключевскому от 25 января 1889 г. Попов настаивал, «чтобы к чтению проекта приступили безотлагательно» (См.: НИОР РГБ. Ф. 131. П. 33. Д. 41. Л. 1).

⁵⁹ *Делидов И. А., Ииутин В. В.* Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. 1975. М., 1978. С. 250–280.

⁶⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1139. Л. 28 об.

⁶¹ *Попов Н. А.* Н. И. Надеждин на службе в Московском университете в 183–1835 гг. // ЖМНП. 1880. № 1. С. 1–43.

С. В. Сафронова

«РУССКАЯ СТАРИНА» И ЦЕНзуРА (Эпизод с Н. Ф. Дубровиным и И. А. Бычковым)

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук в фонде Афанасия Федоровича Бычкова мною было обнаружено письмо Николая Федоровича Дубровина, адресованное историку Ивану Афанасьевичу Бычкову: «Многоуважаемый Иван Афанасьевич. Книжку Русской Старины задержали и Вашу статью не пропускают. — Поеду сейчас объясняться. — Не найдете ли возможным зайти ко мне сегодня часов [в] 8 вечера и тогда переговорим. Искренно преданный. [Подпись]. 29 января [1]903 [г.]».¹

Являясь редактором журнала «Русская старина» (1896–1904), Н. Ф. Дубровин тесно сотрудничал с Бычковыми: отцом (Афанасием Федоровичем) и сыном (Иваном Афанасьевичем). Об этом свидетельствуют его письма к Бычковым, которые в основном связаны с научными изданиями в «Русской старине».

В обнаруженном мною письме речь идет о статье И. А. Бычкова «Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского. Неизданная глава из „Жизни графа Сперанского“ барона М. А. Корфа. (Из бумаг академика А. Ф. Бычкова)», первая корректура которой впоследствии осталась в фонде А. Ф. Бычкова.² На корректуре надпись синим карандашом: «Статья в том виде, как она не пропущена цензурою». На некоторых страницах корректуры таким же карандашом подчеркнуты слова и целые предложения. Сравнение текста этой корректуры с публикацией в февральском номере журнала «Русская старина» (1903. № 2. С. 211–234) свидетельствует, что в окончательном варианте статья издана без тех мест, которые были подчеркнуты цензором.

Надо сказать, что это — не единственная публикация в журнале «Русская старина», так или иначе связанная с именами М. А. Корфа и М. М. Сперанского. В разные годы